

А. И. ХОРОШАВИН

<«...Находил в себе неистощимый источник нравственных и физических сил для служения Родине, благо которой он ставил превыше всего»>

Надо отметить, что на протяжении всей своей яркой жизни Колчак находил в себе неистощимый источник нравственных и физических сил для служения Родине, благо которой он ставил превыше всего; он не щадил своих сил. Никогда не искал власти, никогда не претендовал на роль политического деятеля, не искал популярности и, не преследуя никаких личных выгод или интересов, всегда являл собою пример жертвенного служения Родине, — это был человек долга, пламенный патриот, беззаветно преданный России, отдавал ей все свои силы и способности: он и серьезный ученый, печатные труды которого переводились на иностранные языки, он и ответственный полярный исследователь, он же выдающийся работник по воссозданию флота и он же один из основателей Военно-морского кружка, который разрабатывал вопросы о создании Морского генерального штаба, он блестящий флотоводец и Верховный правитель — такова его разносторонняя деятельность.

Встречаясь с Колчаком по делам службы и вне ее, я не мог не воссторгаться его обаятельной личностью; это был благороднейший человек, кристальной чистоты, пылкий энтузиаст, горевший огнем неисчерпаемой энергии. Я чувствовал к нему нежную привязанность, он отвечал мне подкупающим трогательным доверием. <...>

В то время стали возникать комитеты, стали устраиваться собрания, на которых Колчак очень часто присутствовал и разъяснял командам, что происходит, делился своими соображениями, как и что будет дальше. Популярность его среди команд первые месяцы после переворота была огромна: на всех собраниях он всегда был предметом самых горячих оваций, я не видал, чтобы адмирал, приезжая на многолюдные собрания, поднимался на трибуну самостоятельно; едва адмирал появлялся на собрании, матросы бросались к нему, усаживали его на стул

и на руках несли на трибуну под овации собрания; команды забывали, что перед ними грозный командующий флотом; для них тогда, в новой непривычной обстановке, это был их кумир, их вождь, которому они абсолютно доверяли. <...>

В связи с выступлением Колчака после возвращения из Петрограда, я делился с ним впечатлениями и высказал мнение, что одна и та же толпа, рукоплескавшая двум диаметрально противоположным положениям — Колчаку и Канторовичу — наводит на размыщление, что собранные вместе массы не имеют и не могут иметь своего мнения, ибо массами управляют вожди, активные, волевые люди, которые диктуют толпе свою волю. Когда говорил Колчак, толпа ему аплодировала, когда возражал Канторович — та же толпа ему аплодировала, и наконец, она же аплодировала и Баткину, ибо он демагог и был последним оратором; говори после него кто-либо четвертый с особым мнением, было бы то же самое, поэтому выборы никогда не выявляют воли большинства, а только волю небольшой группы волевых людей. Колчак с моими доводами не соглашался. Тогда я предложил ему следующее: через день намечалось создание нового союза мелких квартирнанимателей — я сказал: «Сделаем опыт, хотите, я буду председателем этого союза?» Колчак рассмеялся и сказал: «Вы увлекаетесь, вас никто не знает из выборщиков, как же вас изберут». Я просил адмирала запомнить его слова, что меня не выберут потому, что меня никто не знает из выборщиков — мелких квартирнантов на корабельной стороне. С этими словами я ушел в инициативную группу по организации названного союза, где было несколько моих знакомых граждан, юристов. Я спросил, намечено ли у них правление будущего союза и получил утвердительный ответ. «А председатель?» — спросил. «Вот насчет председателя плохо, никого нет подходящего». — «А что? Если у вас нет намеченного кандидата в председатели, то я могу вам такового предложить». — «Кто?» — «Я! Молодой, энергичный, вольный и честолюбивый и даже не дурак». Они за меня ухватились, как за неожиданный сюрприз.

«Слушайте, а ведь это идея. Вас никто не знает из выборщиков, по занимаемому вашему положению вы далеко стоите от мелких квартирнанимателей, которые создают свой союз для защиты своих прав, без всякой политической окраски, вы судебный деятель, юрист, и это очень хорошо». На этом мы расстались.

Через день после выборов я явился на корабль и просил дежурного офицера доложить адмиралу, что его просит принять председатель союза квартирнанимателей, без указания моей фамилии. «Адмирал вас просит», — сказал вернувшийся офицер. Войдя к Колчаку, я вытянулся и сказал: «Честь имею явиться и представиться, председатель союза

квартиронанимателей, избран единогласно». Колчак развел руками, я рассказал подробности моего избрания и добавил: «Что замечательно в моем избрании: вы думали, что меня не изберут, так как выборщики меня не знают, а меня избрали именно по этому принципу, т.е. выборщики избрали неизвестное им лицо». Колчак задумался. Созванное мною правление союза приветствовало мое избрание и постановило открыть сапожную мастерскую и просить председателя, т.е. меня поехать в Симферополь и закупить там все, что нужно для оборудования сапожной мастерской. <...>

Колчак и смеялся над моими похождениями и ласково возмущался моим уходом, предпочитая, чтобы во главе союза лучше стояло бы лицо, ему известное, чем какой-либо мрачный Перерепенко. Я ответил, что у меня нет времени заниматься такой общественной деятельностью и что с сапожной мастерской я еще кое-как справился, но я слышал, что дальше намечается открытие родильного приюта во главе со мной в качестве директора, и я поспешил поскорей убраться. Колчак долго смеялся и больше к этому вопросу мы не возвращались.

Колчак погиб как командир судна, не уходя от красивой и доблестной традиции: не покидать гибнущего в бою корабля. Верный этой традиции, Колчак оставался до конца на посту, на мостице того большого государственного корабля, на бортах которого было начертано золотыми буквами «Святая Русь». Этот корабль Колчак пытался спасти, сдвинуть его с тех камней, на которые он напоролся по воле разбушевавшейся стихии. Не его вина, что попытки его не увенчались успехом: за них он заплатил своей жизнью — и погиб.

